

Шмелев И. В.

История села Мотовилово

Тетрадь 10

1927 г.

Иван Шмелев

**История села Мотовилово.
Тетрадь 10 (1927 г.)**

«ЛитРес: Самиздат»

1972

Шмелев И. В.

История села Мотовилово. Тетрадь 10 (1927 г.) / И. В. Шмелев —
«ЛитРес: Самиздат», 1972

Более 50 лет Шмелев Иван Васильевич писал роман о истории родного села. Иван Васильевич начинает свое повествование с 20-х годов двадцатого века и подробнейшим образом описывает достопримечательности родного села, деревенский крестьянский быт, соседей и родственников, события и природу родного края. Роман поражает простотой изложения, безграничной любовью к своей родине и врождённым чувством достоинства русского крестьянина.

Содержание

Рождество. Святки	6
Сватовство. Женитьба Саньки Лунькина	9
В Нижний Новгород. За самоваром	11
Представление. Ваня Дубровский	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Часть вторая

Тетрадь № 10 (1927 г.)

Рождество. Святки

Наступил 1927 год. Зима. Кончалась пора Никольских морозов. Стужа несколько смягкла. Деревья на улице покрылись инеем, сделавшись нарядными, словно в сказке. Снежинки, освещенные солнцем, отражая солнечные лучи, блестя играли всеми цветами радуги. В ночь на новый год погода разбуянилась, запуржило: снегу намело до самой повети. А к утру небо несколько повяснилось. На мутном небе появилась бледная луна, вокруг ее большое, светлое кольцо (по народным наблюдениям) предвещающее стужу. На рассвете совсем выведрило; в беспредельной глубине синего неба, появились звезды – горохом рассыпавшись по всему небесному куполу. Начинались рождественские холода, беспощадно давя на землю.

В Рождество, у Савельевых в верхней комнате, за семейным чаепитием с душистыми кренделями и медом, Любовь Михайловна, для своих детей продекламировала запомнившийся ей еще с детства, рождественский стишок.

– В детстве, когда я училась в девичьей школе: – сказала она, – мы всем классом после христаславления пели так: «По небу, полуночи ангел летел, и тихо божественно песню он пел: Слава вышних богу и на земли мир, в человецех благоволение! Алилуя! Алилуя! Алилуя!

– А я в детстве, помню, пела: «Маленький птенчик, принес Христу венчик. Христа величает, в дудочку играет. Где Христос родился, там рай отворился!» – стараясь, подражать, по-детски, тонюсеньким голоском, пропела бабушка Евлинья внося, в общую, семейную, морально-нравственную и поучительную беседу, свою лепту.

Под воздействием, этих благочестивых песенок, у детишек, еще выше поднялось праздничное настроение. Они с большим вниманием прослушали их, а Ванька прекратив пить чай, даже рот разинул от пристального внимания к пению матери и бабушки. Пристально слушали и Ванька с Володькой. Даже полуторогодовалый Никитка и тот присмирив перестал капризничать, просясь на руки к матери.

Не успела семья вылезти из-за стола как к ним в дом пожаловала Анна Гуляева.

– Здорово ли живете! Чай да сахар! – поприветствовала она хозяев дома.

– Поди-ка добро пожаловать! Садись к нам чай пить! – пригласил гостью к чаепитию Василий Ефимович.

– Нет, спасибо! Сейчас только дома чаевничала, – соврала она.

– Вы что, за покупками-то идете? – обратилась она.

– За какими покупками? Куда? – недоуменно и с удивлением спросил Василий.

– Как куда? В новую лавочку!

– В какую лавочку? – спросила и Любовь Михайловна.

– Вы, дома сидите, и видно ничего не слышите! Чай, вон в Грунькиной мазанке: Крисламовы-Рыбачковы торговую лавку открыли. И, больно много всякого, местного товару в ней навозили.

– А мы и не слышали. Вот и понимай! Совсем рядом, а кабы не ты, мы бы и не знали, – высказал удивление Василий.

– Ну вот, я вам пришла известить! – с угодливостью встрепенулась Анна.

– Уж больно она у нее мала, мазанка-то, и как только в ней разместились всякая всячина? – усомнился Василий Ефимович.

– Вам бают! Всего навезено полным-полно! – уверяла Анна. – Я уж там была и кое к чему приценилась. Только вот, купить-то пока у меня не на что. Лавочка открылась, можно сказать у меня прямо под носом, да в нее не сходить, да ничего не купить, это порок для меня! – заискивающе лебезила Анна. – Ты, Василий Ефимович, не выручи ли меня трёшенкой денег? – в ноги брякнушь, весь век не забуду, отплачу!

– Кланяется в ноги, положим, не надо, это ни к чему, без кланянья выручу! – посулил Василий Anne денег и открыл свой заветный сундучок с деньгами. Он вынул оттуда, трехрублевую зеленую бумажку и хрустя ею меж пальцев улыбаясь подал ее Anne.

– Вот спасибо, вот спасибо за выручку, – смеясь и кланяясь всем станом затараторила Анна. – Теперь я пойду и накуплю чего моя душа желает.

Место где стоит Грунькина мазанка ходовое – на перекрестке двух улиц. К этому месту примыкают три многолюдные улицы: Главная, Слобода и Кужадониха. По замыслу Крисламовых, это ходовое место будет способствовать их бойкой торговле и много принесет дохода и барыша. По улицам села, круглый год, продавали с возов всякие товары: горшки-крынки, гребни-бёрда. То и знай, горланили: «Ведро починить!», «бабье делай трепье!», «Телят палых, кошек собак, нет ли!» Ходили коновалы. Дегтярники орал: «Дегтю! Дегтю!», другие: «Луку, Вишни, Яблоков!», «Масла, Патоки, Свиной, рыбы, воблы!» Насмотрелись на это Крисламовы и решили заняться торговлей, местными товарами. Не смотря на малые размеры мазанки, товару к открытию было завезено действительно много. На изготовленных полках были размещены: белый хлеб (каравай руками сожмешь, а он снова, как пружина выпрямится), конфетки, пряники, семечки, орехи, рыба и отменная колбаса. За прилавком торговал Алексей, а брат его Иван занимался вопросами доставки товаров. На крыше мазанки виднелась, невзрачная небольших размеров вывеска: «Бакалейная лавка М. Ф. Крисламова».

Во второй день Рождества, в день начала святок, Санька Савельев тоже посетил вновь открывшуюся лавку. Он попросил Алексея, взвесить ему для пробы колбасы пятьдесят грамм.

– Эх много! – удивились люди стоявшие в лавке и смотрели пока не покупая, прицениваясь, приглядывались к товару. – Разве, ты съ столько то сразу съешь?

А когда увидели, что продавец подает Саньке совсем небольшой кусочек колбасы, все снова пришли в удивление. – Эх, маленький кусочек-то! А я думал, пятьдесят грамм целая кокурка! Таких-то кусочков, я с десятков съем и не помянется! – высказался в счет Санькиной покупки, присутствующий тут Мишка Жирный Терехин и выказав этим свой аппетит (незаурядный).

Давно Санька Савельев, намеривался себе гармонь приобрести. В этот день он сходил в Верижки и там за сходную цену (за 16 руб.) у мастера по починке гармоней Ваяки, купил гармонь четырехпланку. Сразу же, он принялся разучивать играть песни. Больше всего ему задавалась песня «Златые горы».

– Где это ты, такую диковинку поддеконил? – спросил его сосед Серега Федотов.

– В Веригино сходил, там и приобрел! – ответил ему Санька. – Уже на святки, к девкам, в кельи пойдем с ней! Играть, забавлять музыкой девок будем! – восторженно пообещал Санька.

Вечером придя в келью, к девкам, Санька долго продувал свою гармонь оберегая ее от быстрого перехода температуры от уличного холода к избному теплу.

– Сань, а ты сыграй нам чего-нибудь на гармошке-то! – первой из девок, обратилась с просьбой Наташка Статинкова.

– От холода, руки, что-то, не маячут, а гармонь сама не гармонирует! – с присущим, гармонистам, зазнайством, ответил ей Санька, продолжал, нарочито долго продувать гармонь, выжидая когда его, сыграть, попросят вторично.

– А чего вам сыграть-то? – наконец спросил Санька, закончив продувку гармони.

– Ну хотя-бы «Златые горы». И он начал играть.

– Саньк! – дай-ка гармонь-то, я вальс девкам-то сыграю, – попросил у Саньки товарищ Андрей Садов, видя, что Санька еще плохо научился играть. Андрюшка умело лавируя гармонью начал играть вальс «Дунайские волны».

– Как плохо нот негде достать, а то бы я, по нотам-то, быстро играть выучился! – прогудел над ухом Андрея Санька.

– А я, вот, совсем не понимаю, в этих нотах, и совсем не знаю. Что есть там за до-ре-ми-фи-ля, – в тон этого замысловатого изречения перебористо игранул на гармонии Андрей, – а вот играть, на гармонии, как видишь без нот научился!

– Талант! Его за деньги не купишь! – с завистью отозвался Санька, принимая с плеча Андрея ремень гармони, и снова наигрывая «Златые горы».

Издревле так повелось, что на святках молодежь вольно себя ведут: девки поют песни – припевают женихов, любезничают и пользуясь отсутствием глаз взрослых целуются с женихами. Пары же, на святках, особенно развязано себя ведут: здесь полный разгул вольности, фольклора, фокусов, вообще анархия; кто во что горазд. Санька Шеварушка, оказался ни только развязанным озорником, но он оказался большим забавником и фокусником. К удивлению всех присутствующих, он в келье к полу приморозил чугунок, который, такой силач, как Мишка Жирный, и то не смог отодрать от пола. Санька при помощи ножа и лучинки, подвесил к столу ведро с водой; завязал узел на ремне; развязал замысловатый узелок на веревочке; напужал «гусей» в рукав, простовато-недогадливому парню Ваньке.

А под конец показа своего искусства, Санька затеял драку. Дело в том, что Санька и Колька, ухлыстывая за одной девкой оказались соперниками из-за нее, тороча ее себе в невесты. Поэтому -то, Санька подойдя вплотную к Кольке вызывая, тронул его пальцем по носу. Колька, не отреагировав на этот вызов промолчал, продолжая спокойно сидеть на месте. Саньке не унялось: он вторично подошел к Кольке и ладонью дерзко хлопнул его по щеке, нахально проговорив при этом: «А ты, субъект, как сюда попал!». Колька снова терпеливо промолчал, но предупредительно заметил: «Я думаю, третьего удара не последует». Эти слова на Саньку действовали отрезвляюще, он в Кольке почувствовал сильного и непокорного врага. Пока, Санька, встав с табуретки, перебранивался с Колькой, кто-то убрал из-под него табуретку. Санька пятясь назад хотел снова сесть, но сиденье-то убрано и он раскоряченно грохнулся на пол. В келье грянул взрыв веселого смеха, который не в меру обозлил Саньку. Раздраженный этим, Санька силком втолкнул соперника Кольку на улицу, на ходу подсучивая рукава, готовя руки к драке.

– Саньк, смотри, так и знай, тебе несдобровать! Отуськает тебя Колька! – предупредительно унимали распетушившегося Саньку. Выйдя на улицу, они подрались, взаимно помяв и испятнав друг друга. Особенно, досталось Саньке – его бока оказались в синяках, а лицо в багровых подтеках. Санька затаив злобу, решил отомстить Кольке при подходящем моменте, не в зависимости от давности.

Сватовство. Женитьба Саньки Лунькина

В Святки, многие парни стараются и пожениться; благо на святках выбор невест неограничен – ходи по кельям и выбирай себе невесту, которая тебе нравится и сватай её. Парни, себе выбирают невесту по разным признакам: который выбирает самую красивую, который работающую, а некоторые подбирают себе под стать веселую, или песенницу. Наташкина артель девок не умела песни петь. Гуляя по улице они пробовали спеть, но у них никак не получалось: запоют, а потом вразнобой заборонят, кто в лес, кто по дрова. И частенько им в след кричали: «Не песню поете, а целину бороните! – Бороны!» На что, девки не сердились, а только озорно расхохотывались.

Содержательницу девичьей кельи, бабушку Гуляеву, мужики и бабы, часто упрекали: «Вот, это Булалейка, устроила у себя в доме притон девок с парнями! Они у нее там вольничают, того гляди, беда какая стрясётся. По всем ночам шалберничают! Дрова, на отопление воруют!» – со злостью к Анне, наговаривали мужики. Но Анна на злобную критику почти не обращала никакого внимания, продолжая вертеться среди девок, перекипая в сутолоке и суматохе веселившейся молодежи.

Санька Лунькин, имея от роду двадцать восемь лет, а это считается уже преклонный возраст для парня-жениха, решил все-же жениться. Имея упитанное тело, неимоверную силу, он только и знал по зимам и летам точил каталки, азартно тушил пожары, да занимался чтением книг. Женский вопрос у него на заднем плане.

Но как ни говори, природа сказывается на каждом живом человеке, и своё требует. Толи от чрезмерного чтения толи, от неприкосновения к женскому полу, у Саньки, люди стали наблюдать, что «ум за разум заходит» и ему бабы порекомендовали жениться. Свахой вызвалась Анна Гуляева. Она в купе с другой бабой Настасьей, согласились подыскать Саньке невесту: по годам ровню и по наружности чтобы была под стать. В поисках невесты обходя Кельи, они с улицы через стекла окон, выбирали невесту для Саньки. Они, одну девку, совсем-было хотели предложить Саньке, но как увидели на стекле тень обличия ее лица, они ее тут же забраковали, потому, что ее лицо на стекле окна неприглядно вырисовывалось наподобие овечьей морды. Тень не человеческая, а овечья – не пойдет!

В одной келье, свахи все же подобрали Саньке подходящую невесту Нюрку. После некоторого отнекивания, свахи все-же уломали, уговорили ее и она согласилась. Санька, дома поджидая свах, с результатами сватни, сидел за столом. Он увлеченно читал толстенную книгу, с напряжением тараща глаза, на слабо освещенные, пятилинейной лампой, страницы. Кошка, спрыгнув с печи, блаженно потянувшись, подошла к ногам Саньки и потершись о них, прося поесть замыкала, напоминая этим, что пора поужинать. Свахи, с подобранной Саньке невестой, пришли в тот момент, когда он собрался ужинать, положив ложки и чашку с похлебкой на стол.

– Ну, Санька! Мы тебе невесту подобрали и ведем! Не невеста, а ком золота! – еще с порога возвестила Саньку Анна.

– Долго выбирали, а все-же подобрали! – вставила свое слово и Настасья. – Обошли пять келий. Много в них невест, а все не подходящие! – одна, как овца, другу, как курная лестница, третья, как коровье седло, а одна и понравилась было нам, но сидит насуплена, как свиное ненастье! – расхаивала осмотренных невест Анна Гуляева. – А уже вот Анюта, всем взяла! Хоть на лицо-то, она и не совсем приглядчива, за то титьки большие и телом пышна! Есть во, что было бы чем! Расправляя новый сарафан и разглядывая на своих ногах, тоже, новые лапти, усаживаясь на сундук, из которого слышался писк зашебутившихся, мышей блаженно улыбаясь проговорила Анна.

– Да я и сам не остарок какой! Жених, что надо! – прихвально себя и Саньку. А Настасья, зная Саньку и невесту, про которую по селу ходил порочащий ее слухок, что ее, как будто, из-за угла, мучным мешком напугали, и что у нее в голове не все дома! И зная, что она просроченно засиделась в девках, так, что отец частенько стал обличенно упрекать ее, что много хлеба ест и навозу много производит, стала наговаривать на ухо, нахваливать невесте Аняте, жениха Саньку. – Ложки после обеда, мыть не будешь: тараканы с мухами их обгложут, за дровами тебе ходить не придется – полена сами в тебя полетят, а за водой тоже, тебе ходить не придется – слез хватит!

– Ты чего там мурчишь? Как на килы наговариваешь! – улыбаясь, не вытерпев, заметил Настасье Санька.

– Тебя невесте нахваливаю, – невозмутимо ответила Настасья. – В общем живите дружно, как хрен с лаптем!

В Нижний Новгород. За самоваром

– Пойду, в потребилку схожу! Там бают, привезли всего много! – суетно отыскивая в шкафу кошелек, проговорил Василий Ефимович.

– Смотри не пропади! Ребятишки ужинать просят! – предупредила его Любовь Михайловна.

– Ужинайте без меня. Я после поем! – отозвался он, бурча себе под нос. – И куда подевался кошелек? Вы чай, куда-нибудь его захотили, – бранил он ребятишек.

В потребительской лавке народу битком. Кто чего покупает, кто к чему прицениваясь приглядывается.

– Митрий, чай, подай мне, ведро конное, ать у нас поганое прохудилось. Ребятишки нассат в него и лужа по всему полу, – упрашивал приказчика Кузьма Оглоблин.

– А мне бы, лампу десятилинейную с пузырем подал, – попросил Митрия, Василий Ефимович, глядя на лампы с наряднокрасивыми кругами, увешанные весь потолок лавки. А дома, семья Савельевых усаживалась за стол ужинать.

– Это кто сумничал! Каравай весь иковырзакали, и почти весь поискрошили? – обратилась мать к детям собирая на стол. Ребятишки присмирено молчали, виновник не подал виду о своей проделке. – Тогда сидите и ждите. Я к Стефаниде за хлебом схожу, займы возьму. Пока, Стефанида за неимением безмена, на ухвате взвешивала хлебный каравай, Любовь Михайловна, жаловалась: «Вчера у меня на семью такой жрун напал! Еле накормила! А нынче, Санька украдкой от семьи с двух кринок сметану слизал! Вот самовольный проказник!» Заглазно ругала Саньку мать... Хлеб принесен – принялась за ужин. На стол подали жирные мясные щи. Ребятишки дружно защелкав ложками громко прихлебывая принялись за щи.

– Не ворызгайте как свиньи! – унимал Санька меньших своих братьев, которые забывчиво, едя громко причавкивали.

– А вы не больно чавкайте! – унимала братишек и Манька, подкладывая кусок мяса в ложку снохе. – Эт Володька лякает проговорил Васька, – стараясь подцепить в чашке кусок мяса, который побольше.

– Дохлебывайте щи-то! Я картошку подам, – проговорила мать, не успевшая почерпнуть из чашки ни одного кусочка мяса. – Нате, доешьте вчерашнюю картошку, а то, я ее свиньям отдам! – предложила мать детям. Санька зачерпнув ложкой картошку поднес ко рту – заморщился.

– Это не картошка, а какая-то кислятина, душа не принимает. От нее только икота, да изжога будет! – забраковал картошку Санька.

– Тогда, придется свиньям отнести! Какая жалость, – сокрушилась мать.

– Ну тогда я вам сразу кашу подам: сначала пшеничную, а потом дикушную, – сказала она семье. Все, дружно, принялись за кашу.

– Доскабливайте кашу-то, я лапшу подам. Заканчивайте с лапшой-то, я на стол яишниц поставлю!

Из лавки, Василий Ефимович пришел с покупкой. Он держал в руках новую, нарядно-раскрашенную, десятилинейную лампу и связку кренделей. Санька с Минькой тут же, налив в лампу керосина, обновляя зажгли ее, подвесив на крючок к потолку. Лампу «молнию» Савельевы зажигали только по большим праздникам (много керосина жрет), а эта хорошо осветив верхнюю комнату, тоже ярко горела, заменив семилинейку.

– Ты ужинать будешь? Или самовар поставить, с кренделями, чай пить будем? Селёдину разрежем? – предложила Любовь Михайловна

– Ставьте самовар-то! Чаевничайте, а я есть хочу, – с недовольством возразил Василий Ефимович.

– Ну тогда в чулане ищи, чего найдешь и ешь!

Семья ушла в верхнюю комнату: пить чай, а он остался в исподней, стал ужинать. Недо-глодав мосол, он бросил его под стол. Кошка поспешно бросилась к мослу, гложя, шумно катала его по полу.

– Садись, после ужина, выпей чайку! – предложила Любовь Михайловна, Василию Ефимовичу, вылезавшему по лестнице из исподней избы в верхнюю горницу.

– Я квасу набуздился. Разве одну чашечку, за семейную компанию. Налейте-ка мне, да забелите погуще! Уж больно я не люблю пустую воду то хлебать, а с молоком то: туда –сюда! – полушутливо проговорил отец семейства. Ванька услужливо налил отцу большую чашку чая. Эх, а пожалуй, у нас Самовар то мал стал! Семья растет прибавляется, а самовар всего пол-ведра! Пожалуй надо новый покупать. Возьмем, да завтра и пыхнем с тобой Ваньк, в Нижний Новгород за самоваром да еще кое-чего, там закупим! – сказал отец, о его намерении купить новый самовар.

– Пап, возьми и меня в Нижний-то! – попросилась в город Васька.

– Нет Вась, не возьму. Во первых это далеко, а во вторых, ты еще мал: замерзнешь. Вишь на улице-то какой холодище! – отговаривал Ваську Отец.

– А Ванька-то тоже озябнет! – не унимался Васька.

– Нет он постарше тебя и в дорогу-то полушубок оденет, а у тебя полушубка-то ведь нет!

– Вы ведь по-машине поедите, а в ней наверно тепло! – навязчиво не отступал Васька.

– В вагоне-то тепло, а там все равно, надо из вагона-то на мороз вылезать, – как взрослому доказывал отец Ваське. – Мы с тобой летом поедem в Нижний-то.

На другой день отец с Ванькой уже сидели в вагоне поезда и ехали в Нижний Новгород. Ванька чувствовал себя героем – он впервые едет по поезду, да еще в губернский город. Не отходя от окна вагона, с большим интересом поглядывал Ванька на заснеженные просторы полей и лесов, стремительно убегавших назад. Ваньке причудливым казалось, то явление: ближние деревья леса, убежали назад, а отделенные, мельтешась, как-то странно передвигаясь вперед, а потом они оказывались позади мчащегося поезда. Доехавши до станции Суроватиха поезд остановился. Около самих вагонов поеживаясь, от сильного мороза, с ноги на ногу толпились торговки с молоком.

– Молочка горяченького! Стаканчик молочка! – предлагая пассажирам горячее молоко. До Нижнего Новгорода ехали долго, часов пять. Всю дорогу Ванька смотрел в окно. Где-то около Станции Кудьмы, в вагон в котором ехали Ванька с отцом, вошел ревизор. Старикашка в очках и форме. Он, с большой прилежностью и тщательностью, проверял у пассажиров проездные билеты. Проказливо заглядывая на полки и под сиденья: нет ли там скрывающихся «зайцев». Очередь дошла и до Савельевых. Василий Ефимович, вынув из кармана на себя полный билет и на Ваньку четверть билета, предъявил их ревизору.

– Почему, на парня, ты взял четверть билета, а не пол билета? – строго спросил ревизор Ванькиного отца.

– Да он еще совсем маленький! – смиренно проговорил отец Ваньки.

– А сколько ему годков-то?! – допытывался ревизор, наметанным глазом видя, что Ванька совсем не малыш.

– Восемь годов, девятый! – робко протянул отец. – В первом классе учиться! – стараясь словами уменьшить возраст Ваньки, доказывал отец ревизору.

– А ну-ка, паренек, встань-ка! – полуприказал, ревизор Ваньке, который к этому времени, присмирленно сидел на лавке вагона. Ванька повинувшись, нехотя стал вставать, стараясь не разгибаться во весь рост, чтоб умалить свой рост и тем самым оберечь отца от нежелательного штрафа, который может нанести денежный урон отцову кошельку.

– Этому, мальчугану не восемь, а все десять годов будет! – убийственно изрек ревизор. Он своим наметанным глазом, почти правильно определил возраст Ваньки, ошибившись

только на год. В действительности Ваньке пошел двенадцатый год. По приезду в Нижний, Василий Ефимович с Ванькой отвели в служебное помещение вокзала, где стали писать, акт на предмет наложения штрафа. Свой адрес, Василий Ефимович сказал почти правильный, а вот фамилию свою не выдал, а назвался «Зайцевым», нарочито ввёл в заблуждение железнодорожное начальство. Чтоб избежать урона в деньгах. По городу Отец с Ванькой, ходили пешком, заглядывая почти во все магазины и лавки. Мимо их с грохотом, мелькая искрами из под дуг, то и дело проносились трамваи. Ваньке сильно хотелось прокатиться на трамвае, но он не смел попросить об этом отца, и с разинутым ртом, с восхищением посматривал на огромные, кирпичные городские дома и другие невидали, которые видит впервые. Самовар, они купили почти сходу, зайдя в большой магазин вблизи «Скобы». Уплатив за сверкающий серебром, ведерный Самовар 23 рубля, отец Ваньки, упросил продавца, оставить его в магазине, чтоб не таскаться с самоваром по городу. Обернув в бумагу и увязав шпагатом, продавец услужливо, поставил самовар под прилавок, написав на нем фамилию купившего – Савельев! С Нижней части города Ванька с Отцом так же пешком перебрались в верхнюю его часть. Там диковин для Ваньки оказалось еще больше. Во-первых, его взору представилась вывеска, с затейливым и заманчивым призывом: «Стоп! Зайди в низок, купи фрукт!».

Отец с Ванькой ночевали на подворье «Дома Крестьянина», но и тут неувязка: у отца Ваньки, не оказалось с собой никаких документов. Поэтому, какой-то тип, видимо служащий и ведущий ночлегом приезжих в город, не представил им места для ночлега и грозился выслать из «Дома Крестьянина», но дело обошлось благополучно и они переночевали спокойно и удобно. Накупив чего нужно, и зайдя в магазин за самоваром, отец с Ванькой направились на Ромодановский вокзал и сев на поезд поехали обратно домой.

По приезде домой, первым делом, вся семья обступила стоявший на столе, новый, блестящий никелем огромный и солидный самовар. Любовь Михайловна тут-же заставила Саньку, «поставить» самовар, налив в него целое ведро воды. Самовар разожгли, угли дружно принялись, краснотой виднелись сквозь решетки. «Эх и сапог для раздувания не спонадобился», – сказал Санька. Самовар долго назреваясь рдел, молчал, а потом зашумел словно паровоз под парами. Вокруг поставленного на стол самовара расселась вся семья, даже бабушка Евлинья примостившись на краешке дивана восхищалась красотой нового самовара. Не меньше ее, самоваром, любовался и сам Василий Ефимович. Ему вспомнилось как он, будучи еще парнем-подростком, бегал с товарищами глядеть как горит керосиновая лампа и как “ставят” самовар, впервые появившиеся, эти две диковинные вещи на селе у попа. Разбавив крутой кипяток, холодной водой до необжигаемости губ, он принялся пить чай, не употребляя заварки. Семья обновляла покупку.

– Ну вот и самовар семейный добротный нажили! Теперь пейте, чаевничайте! Наслаждайтесь! – проговорил он семье, сам не имея особой прилежности к чаепитию. Тем временем, самовар попищал, металлически позвенел и заглох.

– Вот одним, мне не нравится Самовар! Хороший, а “молчун”. Я люблю когда самовар на столе распекает на все голоса. Да еще, я заметил за ним дефект: когда отвертываешь кран – сцит как-то в сторону! – слегка охаяв самовар, высказался хозяин.

– За то за один “постав”, без подогревания вся семья чая из него напьется и вкус из него хорош, – хвалебно высказалась о самоваре хозяйка. А Санька с Ванькой; с большим интересом взглядывались в фигуристую, зеркально блестящую поверхность самовара, почти в плотную уткнув свои косы в пышущие жаром его бока.

– Ваньк, гляди, где крупно написано на самоваре “ТПЗ”, означающие:” Тульский патронный завод”, – сказал Санька.

– А вот они эти три большие буквы, – указывая пальцем, показал Ванька на выгравленную заводскую метку на самоваре поверх крана. – А ты Саньк, найди на нем где написаны пять букв: РСФСР?

– А вот они, – указал Санька, на буквы расположенные вокруг марки.

Семья, чаще чем старый, красной меди самовар, стали, ставить новый и частенько засиживались за чаепитием, что не в меру раздражало Василия Ефимовича. Он частенько с руганью обрушивался на семью, глядя, как все кроме его подолгу рассиживают за столом и в дело, и в не дело, как казалось ему, наслаждаются чаем.

– А вы скорее расчаевнивайте, скорее суслите! Только понапрасну время ведете, да красин понапрасну палите! То подолгу разобедывают, то чаевничают! Эх вы чаевники! Себе на грех только купил самовар-то! – неотступно брюзжал он на семью.

– Не даст в сласть попить! – упрекая его за это, ворчала мать.

Представление. Ваня Дубровский

У дороги, около Федотовой мазанки, обитой кругом листовым железом, толпится народ: читают какое-то объявление, приклеенное к наружной стене. Ванька Савельев, не счел одеться и на деть шапку, поспешил туда же. На стене мазанки наклеена большая афиша с обшарпанной программой показа искусства силача Вани Дубровского, который приехал в Мотовилово и в избе-читальне он будет показывать свое представление в приемах своей богатырской силы для публики за 30 копеек. Ванька, всем телом дрожа от холода, тоже читал про себя, содержание афиши. Как в знак общего предвкушения наслаждения, предстоящим зрелищем, он проведя пальцем по афише прочитал всеуслышанье:

– Ваня Дубровский!

Тут только все стоящие около афиши обратили на Ваньку внимание, что он совсем раздетый на таком январском холоде.

– Ишь, какой жаркий выскочил! Упрекнул его стоявший тут его отец, и поддав Ваньке подзатыльник, он отогнал его от мазанки домой.

В не так уж просторном помещении зрительного зала избы-читальни, народу набилось до отказа. Желających посмотреть на силача было хоть отбавляй. Особенно всех подмывало любопытство узнать: по условиям, какие были объявлены в афише, выбьет ли кузнец Миращевский, из зубов Дубровского двух пудовую гирию. За что согласно афиши, Ваня Дубровский, должен выдать 100 рублей. Заманчиво, любопытно и интересно. Представление началось. Сначала Ваня Дубровский показывал публике различные упражнения в движениях мускул рук, ног и всего своего, развитого гимнастикой, атлетически здорового тела. Публика, сидя на скамейках и стоявшая просто на скамьях расставленных вокруг стен, с большим вниманием и любопытством смотрела на захватывающие трюки силача. От духоты и спертости воздуха в зале стало душно, с лиц зрителей котился зернистый пот. Публика млела в жаре, дышала, добавляя в зал больше тепла и невыносимой духоты. Из двери избы-читальни на простор воли, клубами пер белесый пар. На железной крыше избы-читальни, от скопившегося в помещении пара, заметно стал таять снег, с крыши потекли капли. А в зале своим чередом идут представления за представлением. На загорбок и плечи Дубровского положили рельсу от узкоколейной железной дороги. По концам её насели шесть мужиков и Дубровский крутясь на одном месте стал катать мужиков, как на карусели

– Так-то и я сумею! – сказал Никита Серяков.

Потом на грудь лежащего, на сцене, силача положили свилеватый березовый дровяной комелек и стали топором колоть, разделявать этот чурбан на дрова. И силачу хоть-бы, что он преспокойненько выдерживал удары на своей груди.

– Эт так-то и я сумею! – проговорил Никита Серяков.

Затем, на лежащего Дубровского, положили сбитый из досок щит, а на щит вворотили камень-дикарь весом пудов в тридцать и по этому-же камню мужики начали колотить пудовыми гириями. Колотили так усердно и бойко, что от гири, которой усердно орудовал Вагон, отвалилась рукоятка, а гиря гремя по сцене покатила в угол. Видя это присутствовавшие в зале, бабы взвыли. Им подумалось, что это покатила голова Дубровского отшибленная ударами гирь. Все облегченно вздохнули, увидя вставшего невредимым Ваню. Потом Дубровский приказал связать воедино три гири: два двухпудовика и один пудовик – в общей сложности пять пудов. Вцепившись за кончик веревочки зубами Дубровский одним махов, перекинул эту связку гирь через голову. В завершение представления, приступили к последнему трюку, который является гвоздем всей программы. Дубровский, на сцену пригласил, кузнеца Ивана Ивановича Миращевского, изъявившего желание, испытать свое молотобойное искусство в выбивании гири из зубов силача. Чтобы убедиться в точности прицеливания боя Дуб-

ровский попросил кузнеца продемонстрировать точность попадания увесистой кувалдой по гире, лежащей на полу сцены. Мирашевский высоко взметнув кувалду и с левши, с типичным «айканьем» с силой ударил ей по гире. Точность попадания была безукоризненной. И началось: Дубровский взял в зубы кончик веревочки, на которой слегка покачиваясь повисла двухпудовая гиря. Публика притаённо приутихла: слышно только дыхание. Движением рук, силач приказал: «Бей!». Широко размахнувшись кувалдой, Мирашевский со всей силой ударил по гире, которая мерно закачалась от удара. Затаив дыхание люди следили за происходившем. В так качания гири последовал второй удар. Третий удар был не совсем по боку гири, а скорее с верху ее. И гиря из зубов силача выпала. В зале все дружно ахнули, и поднялась невообразимая кутерьма и споры. Вся публика в зале пришла в шумливое движение. Дубровский утверждал, что Мирашевский не правильно сделал третий удар: не дал гире остановиться и ударил не сбоку, а сверху. А публика орала, за Мирашевского. Особенно надрывался из публики Панька Варганов, намереваясь своим криком помочь Мирашевскому, выпорить у силача сто рублей, согласно афиши. Предвкушая дармовую изрядную выпивку Панька и не жалея своей глотки, неистово крича: «Правильно, Мирашевский выбил! Плати сто рублей!» Панька так надсадно кричал, что заглушал всю публику, Василий Ефимович, даже заметил ему: «Смотри Паньк, как бы от натужного клика, у тебя пупок не лопнул!» «Не лопнет! Мне его бабка-повитуха крепенько завязала, а то, что Иван Иванович, гирию выбил, это правильно! Одним словом пьем!» Дико выкрикнул в публику Панька, сладко облизываясь от мысли: вот-вот удачник Мирашевский поставит для мужиков ведро вина для выпивки начужбинку, с такого выигрыша! Ведь сто рублей это деньги большого достояния. Но спор на сцене затянулся и склонялся не в пользу кузнеца, Дубровский убедительно и спокойно выставлял свои аргументы против Мирашевского, за которого горой стояла в споре почти вся публика. А Дубровский один! Стоявший тут же на сцене его ассистент, в споре почему-то не активно защищал своего кумира, за что Дубровский обрушился на него с упреком и недовольством: Спор, при поддержки избача Кутлакова, решился в пользу Дубровского и денежный куш не был выдан. Панькин крик оказался напрасным.

Лотерея. Разыгрывание. Санька жених

Повелась в Мотовилове мода вещи разыгрывать. Да и на самом деле: разыгрывателю выгодно – с людей соберёт много денег, за какую-нибудь невзрачную вещь и выигравшему – лафа: за пару каталок, или за 50 копеек ввалится вещь. Какие-то посторонние люди, приехавшие в Мотовилово, решили разыграть какой-то музыкальный, заводной ящик, который достался Зиновым и многие ходили к ним послушать мелодично-приятную музыку исходящую из этого ящика. Сергей Лабин решил разыграть часы настенные с боем и граммофон с пластинками. Часы достались (очень кстати) Ивану Трынкову, а граммофон Кузьме Оглоблину. Иван Трынков не мог не радоваться часам с боем, на смену стареньким ходикам. Он повесил на стену эти выигрышные часы и любовался ими особенно. Его радовал мелодичный их бой. И граммофон, в вольной семье Оглобленных, где кишмя-кишат ребятишки, тоже оказался забавной штукой. Сначала на граммофоне играли все. Принеся домой выигрыш, первым его завел сам Кузьма, а потом заводить граммофон научилась вся его семья: от самой Татьяны до карапуза Петьки. Крутили за ручку все кому не лень. Вскоре иголки иступились, пластинки от царапанья гвоздями поизносились и стал граммофон не играть, а на разные манеры похрипывать и по собачьи лаять. Однажды, Петька крутнул заводную ручку не в ту сторону куда надо, а в обратную: от чего внутри ящика что-то хряснуло и граммофон играть перестал совсем. Вскрыли сами ребятишки стали его чинить и совсем зачинили – не играет граммофон да и только! И всей семьей придумали: граммофонную трубу, формой и красивой раскраской, похожую на нежный цветок тюльпана, приспособить для надворных детских надобностей, благо ребятишек-то в этой семье восемь душ. Кузьма, самолично прорубил, в задней стене избы дырку; просунул в нее тонкий конец граммофонной трубы и нужное приспособление готово! В широ-

ченный раструб; ребяташки с особым рвением стали мочиться и с большим интересом наблюдали, как за стеной в сених, моча стекала в подставленное поганое ведро. Это приспособление выручало, особенно в морозные, ночи зимы: Не выходить же голопузикам, по всякому естественному поводу разутым во двор (валенки-то всего две пары на всю семью), а подходи к трубе и дуй во всю! Ребяташки, каждый за собой, горловину трубы затыкал тряпкой – и удобно и не тяжело! Разыгранная Григорием Ивановичем Даниловым гармонь досталась Савельевым. На розыгрыше, Минька и Санька не участвовали, так что когда им сообщили, что гармонь досталась им, они оба бросились бежать к Даниловым. Сашка уже имея у себя гармонь не против был иметь и эту выигрышную, но выигрыш оказался записанный номер Миньки. За раз, в доме Савельевых появилось две гармони: и у Саньки, и у Миньки. Музыкальным талантом братья не обладали: за все время Санька научился играть только «Златые горы» и «Коробочку». А Минька и этого не постиг. Он неоднократно брал в руки свою выигрышную гармонь, старался научиться хотя бы что-нибудь, но из его стараний ничего не получилось. Миньке пришлось объявить о продаже гармони. Покупатель на гармонь, вскоре выискался: Ванька-Кулёк из села Вторусского. Сторговались за 23 рубля! Это цена, почти стоимости коровы. Но для такого жениха, как Ваньке-Кулёк, на покупку гармони, всегда деньги изыщутся. И его отец на эту вещь денег не пожалел. И Миньке со своей молодой женой такие деньги, оказались очень кстати. Они на них купили по коробочным ботинкам, да еще кое-что из праздничной сряды. Женившись, Минька сошел с жениховской арены. Вместо его, на эту арену выдвинулся брат Санька, которому, к этому времени, шёл семнадцатый год – пора расцвета его юности и созревания личности. А Минька уже замышляя как строить свою семейную жизнь, старался сколачивать свое хозяйство, задумывая и об отделении от семьи. Его молодая жена у кровати своей повесила ситцевую занавеску – создав свой отдельный микроклимат молодоженов.

Розыгрыши производятся ни только в сельских масштабах. Они проводятся и в масштабе всей страны. Так, Санька Савельев, где-то в городе купил за 50 копеек лотерейный билет и придя домой, торжественно заявил семье:

– Вот я в Арзамасе, приобрел билет, который называется «Наш ответ чемберлену», по которому можно за 50 копеек выиграть кругосветное путешествие!

– Нет Санюшк, чего хошь выигрывай, только не это твое путешествие! – озабоченно встревожилась мать. Потому, что с таким путешествием будет одна склока! И тебе и нам!

– Какая склока? – удивился Санька.

– А вот какая: во-первых, столько дней продлится путешествие?

– Ну около месяца! – осведомил Санька – А что?

– Вот видишь! Значит тридцать дней. Ведь тебе на это время одного хлеба, с собой приготовить взять немало нужно будет! И пожалуй четырех караваяев мало будет! Да еще кое чего так! Чемодан-то, ой какой тяжелый будет! Хлеб-то за это время в дороге-то заплесневеет, испортится. Во вторых, у тебя и сряды-то нет! Ни рубахи, ни штанов подходящих и ботинок коробочных нет, а в лаптях, ведь не поедешь! На морях в них не покажешься! Нет Сань, как хошь, а я не согласна пустить тебя в такой дальний путь, – высказала свою тревогу и опасение мать за Саньку, который может оказаться в пути, выиграв путешествие вокруг земного шара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.